

Ма-аленькая! — эпизод 1 из 2

...И была она, браток, телом-ту ма-аленькая!.. Каждый раз, как я вспоминаю эту фразу, из дали прошлого мне улыбаются две пары подслеповатых, старческих глаз, улыбаются такой тихой, ласковой улыбкой любви, сожаления, и в ушах звучат два надтреснутые голоса, одинаково характерно подчеркивавшие то обстоятельство, что она была ма-аленькая!..

И мне делается так хорошо и легко от этого воспоминания, лучшего за все десять месяцев моего хождения пешком по кривым дорогам нашей родины, такой большой и такой печальной...

По пути из Задонска в Воронеж я догнал двух богомольцев старика и старуху. Обоим им с виду было лет полтораста; они шли так медленно и неумело, тяжело двигая ступни по горячей пыли дороги, и оба имели в физиономиях и в одежде еле уловимое нечто; это нечто сразу позволяло заметить, что старики идут издалека.

Из Тобольской губернии шагам... со господней помощью! подтвердил старик мое предположение.

А старуха на ходу ласково оглянула меня добрыми, когда-то голубыми глазами и, добродушно улыбаясь, добавила, вздыхая:

Из самого Н-ского заводу, деревеньки Лысой будем мы с отцом-то!

То-то, чай изустали?

Мы-то? Ничего! Пока двигаемся... ползем божьей милостью!..

По обету, что ли, али так, старости ради?

По обету, браток... Обещанье, значит, дали киевским и соловецким угодникам божиим... Да... снова подтвердил старик. Мать! посядем, вздохнем маленько? обратился он к спутнице.

Ну что ж? согласилась та.

И вот мы сели в тень от старой придорожной ветлы. День был жаркий, небо безоблачно, впереди и сзади нас извивалась дорога и уходила в дали, завешенные знойной мглой. Кругом было пустынно и тихо. По оба бока дороги неподвижно стояла чахлая рожь.

Высосали землю-то!.. сказал старик, подавая мне несколько сорванных колосьев.

Мы заговорили о земле и о жестокой зависимости от нее крестьянской судьбы. Старуха слушала нас и вздыхала, порой вставляя в наши речи хорошее, опытное слово.

Кабы жива была она, сколько бы нанудила сердечко свое на таком-ту поле! вдруг сказала старуха, оглянувшись вокруг на полосы низенькой выгоревшей

ржи, испещренные плешинами.

Да-а! уж порадела бы... качнул головой старик.

И оба они вдруг замолчали.

О ком это вы? спросил я.

Старик добродушно улыбнулся.

Тут... вспоминаем об одной...

Стоялка наша была... барышня... вздохнула старуха.

И вдруг оба они, глядя на меня, точно сговорясь между собой, протянули медленно и жалостно, в унисон друг другу:

Ма-анинькая така была телом-ту!..

Это было странно и очень больно резнуло меня по сердцу. Нечто заупокойное звучало в их старых голосах... А они вдруг, торопясь и перебивая друг друга, стали рассказывать так быстро, что мне, сидевшему среди них, оставалось только поворачивать голову от одного рассказчика к другому.

Привез ее к нам урядник и сдал, значит, старосте. Определи ее на постой, говорит...

На квартиру, стало быть, кому-нибудь! пояснила старуха.

Ее к нам и определили...

Глядим, красная вся... дрожит с холоду-то...

А сама така ма-анинькая...

Аж в слезы мы...

Господи, думаем, куда ее такую послали?

На какую ее потребу? За какую такую провинность?..

А она, слышь ты, отколе-то отсудова...

Из России, стало быть...

Мы ее первым делом на печь...

Печь-то у нас бо-ольша... да тё-епла... сокрушенно вздохнула старуха.

Ну, потом, значит... кормить ее!

Смеется!

Глазенки-те че-ерные... как у мыша...

И вся-то она, как мыша... гладка да кругла...

Отдышалась... плачет... Спасибо, говорит, родимы!

И учала вертеть!!

Уж и начала же!.. с восхищением выкрикнул старик и засмеялся, сощулив глаза.

Кататся тебе по избе-то, как клубок, и гоношит, и гоношит... И то и это... и то поставит так, и это эдак... Лохань с помоем вод, свиньям, говорит, тащите... Да сама ее ихвати ручонками-те, да осклизнулась... да по плечи руки-те в по-омой-то будух! Ах ты...

И оба они засмеялись, задыхаясь и кашляя до слез.

Поросята опять же...
Целует их прямо в рыла!..
Невозможно, говорит. Вон поросёв!
В неделю умучила вот как!
В пот, бывало, вгонит...
Хохочет, кричит, ножонками топат...
А то вдруг потемнится вся, заробет...
Как умрет!..
Да в слезы... Уж ревит, ревит, так это ее сподымя бьет. Кружишься,
кружишься около-то ее... Чего ей? Непонятно... Хоть сама плачь. И плачешь,
бывало... не знай о чем. Обоймешь ее да и зальешься вместе...
Известно... дитё как бы... А живем-то мы одни. Сына в солдаты сдали, а другой
на золотых промыслах...
А ей-то осьмнадцатый, кажись, годок...
Какое! С виду ежели давать, никак не больше двенадцати...